

Вопросы правового наследства в гражданском праве

Байжанова Рамуза Теңелбай қызы

Каракалтакский государственный университет

имени Бердаха магистрант по направлению Права и бизнес

Аннотация: *это статья посвящается вопросам совершенствования института правового наследства, перехода прав и обязанностей по наследству другому лицу, в том числе правового наследства при реорганизации юридического лица, в статье также описываются научные концепционные взгляды разных учёных*

Ключевые слова: *наследство, юридическое лицо, гражданское право, право и обязательство, правовое имущество, наследники*

Одним из центральных и неотъемлемых признаков реорганизации является возникающее в результате ее проведения правопреемство. Прежде чем начать исследование данного правового явления применительно к процессу реорганизации, следует обратиться сначала к общетеоретическим аспектам правопреемства.

Институт правопреемства при всей его важности и значимости не получил, как представляется, необходимой теоретической разработки в научных трудах отечественных цивилистов. Работа Б.Б.Черепяхина [1] является в настоящее время фактически единственным фундаментальным научным исследованием по данному вопросу. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что проблема правопреемства заслуживает более пристального и детального изучения.

Термин «правопреемство» достаточно широко употребляется в юридической литературе при освещении многих вопросов гражданского права. Однако, при этом существуют различные подходы как к определению самого понятия правопреемства, так и к выделению его видов. Одна из теоретических предпосылок решения проблемы правопреемства связана с выработкой его понятия и выявлением его признаков.

Вопросы правопреемства в науке и в учебной дисциплине гражданского права

рассматриваются и изучаются, как правило, лишь при исследовании других вопросов цивилистики - реорганизации юридических лиц, наследования, совершения гражданско-правовых сделок, в том числе перемены лиц в обязательстве. В конце XIX - начале XX в.в. проблемы правопреемства освещались в основном применительно к наследованию и различным сделкам [2]. Теоретические и практические аспекты реорганизации еще не были разработаны в это время, а существующие формы фактической реорганизации рассматривались только как разновидности оснований для прекращения юридических лиц, без выделения их в качестве самостоятельно существующих процедур, отличных от ликвидации юридических лиц. Сложившуюся ситуацию с научным исследованием вопросов правопреемства можно объяснить тем, что институт правопреемства носит вторичный, зависимый от других институтов гражданского права характер.

В процессе изложения общетеоретических проблем правопреемства представляется возможным проанализировать выводы ученых о правопреемстве, сделанные ими как при непосредственном изучении данного института, так и иных аспектов гражданского права, поскольку объектом научного исследования во всех этих случаях является одно правовое явление. Кроме того, такой подход позволит всесторонне рассмотреть правопреемство, выработать его определение, показать его виды и элементы.

Наиболее распространенным в юридической литературе является понимание правопреемства как перехода прав и обязанностей от одного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) [3]. Но прежде чем начать подробный анализ понятия правопреемства, следует отметить, что некоторые цивилисты в ряде случаев вообще практически отрицают необходимость данной категории, полагая, что никакого перехода прав между субъектами не происходит. Так, В.А.Рясенцев, рассматривая вопрос о производных основаниях (способах) возникновения права собственности, сделал вывод о том, что «термин «переход права собственности», употребляемый в законодательстве и в литературе,

является условным» [4]. В действительности, по его мнению, передается от одного лица другому вещь, а не право. Права и обязанности категории идеологические, движение, как перемещение в пространстве, им не присуще. Поэтому он считал, что «при известных юридических фактах (например, при договоре купли-продажи) правовые нормы предусматривают прекращение права собственности у одного лица и возникновение его у другого в том или ином объеме». Непоследовательность автора данной позиции очевидна. С одной стороны В.А.Рясенцев указывает на прекращение права у субъекта, а с другой стороны говорит об условном переходе этого права к третьему лицу. Предлагаемое автором условное понимание перехода прав и обязанностей неизбежно влечет за собой и весьма условное отношение к термину «правопреемство», превращая его в категорию, не имеющую ни теоретического, ни практического значения. При таком подходе полностью утрачивается необходимость в данном понятии.

Н.Д.Егоров, анализируя наследственные отношения, пришел к выводу о том, что по наследству переходят не субъективные права и обязанности наследодателя, а принадлежащие ему реальные материальные и некоторые духовные ценности [5]. Он считает недостатком позиции о переходе к наследнику прав и обязанностей наследодателя, а следовательно и смене лиц в продолжающем существовать юридическом отношении то обстоятельство, что при таком подходе неизбежен вывод о существовании гражданского правоотношения определенное время без одного из субъектов. Наследники могут стать субъектами тех гражданских правоотношений, в которых участвовал наследодатель, лишь после принятия наследства. Поэтому Н.Д.Егоров предлагает говорить не о наследственном правопреемстве, а о наследственном преемстве. В соответствии с этим, по его мнению, право на принятие наследства означает право на приобретение гражданских прав и обязанностей, аналогичных тем, которыми обладал наследодатель на момент своей смерти. Однако, как и В.А.Рясенцев, Н.Д.Егоров все-таки допускает, что условно можно

говорить о переходе субъективных прав и обязанностей умершего к живым лицам. Условность такого перехода определяется им в виде прекращения субъективных прав и обязанностей, принадлежащих наследодателю. При таких обстоятельствах даже условное применение термина «переход» является парадоксальным. Думается, что автор, понимая невозможность полного отказа от выработанной в гражданском праве концепции правопреемства, пытается определенным образом совместить ее с предложенной им позицией о преемстве только материальных объектов. Но такое положение приводит лишь к противоречиям. Неосновательна ссылка Н.Д.Егорова в обосновании условности перехода прав и обязанностей на различное содержание субъективных прав наследников и наследодателя. Несовпадение форм собственности наследника и наследодателя не свидетельствует о невозможности правопреемства. Имевшее место до правопреемства вещное отношение собственности сохраняется, замена его каким-либо другим вещным правом при этом не происходит. Ранее Б.Б.Черепяхин правильно отмечал, что при замене активного или пассивного субъекта в правоотношении основная юридическая характеристика переходящего права или переходящей обязанности остается без изменения.

Сторонником позиции, недопускающей определение правопреемства как перехода прав и обязанностей от одного лица к другому, является и В.А.Белов. Исходным тезисом при этом для него является невозможность отнесения имущественных прав к числу объектов гражданских правоотношений. Он считает, что субъективные права и юридические обязанности составляют лишь содержание правового отношения. Данная точка зрения «несовместима с предписанием ст. 128 ГК об отнесении имущественных прав к числу объектов гражданских прав, ибо содержание правоотношения не может быть в то же время и объектом, хотя бы и иного правоотношения». Поэтому им делается вывод о том, что нельзя говорить о правах на права и правах на

обязанности, следовательно недопустимо существование категорий типа «передача прав», «переход прав». В подтверждение своей позиции В.А.Белов указывает на следующие аргументы логического и юридического свойства.

Во-первых, им, как и Н.Д.Егоровым, приводится довод о том, что при передаче прав или обязанностей правоотношение в течение определенного времени (хотя бы бесконечно малого по продолжительности) остается без одного из субъектов, а право или обязанность фактически никому не принадлежит. Однако, «права и обязанности не могут существовать сами по себе, независимо от субъектов (лиц). Не бывает прав, не принадлежащих никому, равно как не бывает ничьих обязанностей». Во-вторых, В.А.Белов, проводя правовой анализ имущественных прав, как объектов гражданских правоотношений, приходит к выводу о существовании в таком случае категории «право на право», в наличии которой нет необходимости, поскольку «все правомочия, которые могли бы образовать состав «право на право» всегда входят во всякое субъективное право. Следовательно, имущественные права вообще не являются объектами гражданских прав, а значит, не обладают таким важным качеством, как оборотоспособность, т.е. не могут переходить от одного обладателя к другому».

Вместе с тем, сделанные В.А.Беловым выводы, как он указывает, не исключают возможность существования института «правопреемства», но не в смысле перехода (передачи) прав, а в качестве процесса их прекращения у правопродшественника и возникновения у правопреемника. Одновременно В.А.Белов отмечает, что для обозначения данных процессов термин «правопреемство» не подходит. Автор предлагает говорить просто о «преемстве», ибо речь идет: а) о «переходе» качества участника правоотношения, переходе «места» в правоотношении и б) о преемственности в содержании, достоинствах и недостатках субъективных прав и (или) юридических обязанностей.

Рассмотренные выше позиции указанных авторов об отсутствии в ряде случаев преемства в правах и обязанностях представляются ошибочными. Указание В.А.Рясенцева на неспособность передвижения прав и обязанностей в пространстве не может служить определяющим критерием невозможности перехода их к другому лицу. Выбор данного признака не позволяет автору распространить его и на целый ряд вещей, передвижение которых в пространстве также не происходит при смене собственника (например, недвижимого имущества). Кроме того, следует согласиться с замечанием Б.Б.Черепихина о том, что «переход права на вещь и переход фактического владения вещью не одно и то же, переход права не тождественен пространственному перемещению вещи как объекта этого права».

Точка зрения Н.Д.Егорова в юридической литературе также была подвергнута справедливой критике. Так, Ю.К.Толстой совершенно правильно считает позицию Н.Д.Егорова «уязвимой уже потому, что выводит за пределы наследства пассив наследственной массы. Между тем по наследству переходят не только блага, но и лежащие на нем обременения» [6]. Ю.К.Толстой признает, что «с момента открытия наследства до принятия его наследниками наследство представляет собой совокупность бессубъектных прав и обязанностей. Однако, такое состояние является кратковременным. Оно длится лишь до тех пор, пока наследство не будет принято наследниками либо не перейдет к государству». Действительно, рассматривая правопреемство как изменение субъектного состава в правоотношении следует констатировать, что в данном процессе в большинстве случаев можно выделить два этапа: выбытие одного лица из правоотношения (правопредшественника) и вступление в него другого лица (правопреемника). Обе стадии правопреемства могут либо совпадать во времени (например, при совершении двухсторонней сделки), либо быть разграничены во времени (например, при наследовании, иногда при

реорганизации). В последнем случае замена стороны в правоотношении происходит в течение определенного периода времени и связана с установленной в нормах права процедурой вступления лица в правоотношение и перехода к нему соответствующих прав и обязанностей. Замена стороны может считаться произошедшей лишь после вступления в правоотношение иного субъекта - правопреемника. Все это время возникшее правоотношение охраняется государством. При этом правопреемниками могут стать только определенные лица, в общем виде указываемые в законе и конкретизируемые применительно к соответствующей ситуации в специальных актах. Так, при реорганизации правопреемниками становятся вновь созданные или уже существующие юридические лица, к которым в соответствии с передаточным актом или разделительным балансом переходят права и обязанности. Кроме того, в правоотношении не могут произойти никакие изменения, которые требуют наличия волеизъявления меняющейся стороны, до вступления лица в правоотношение и перехода к нему прав и обязанностей.

В.А.Белов для обоснования своей позиции относительно сущности правопреемства использовал, как было показано выше, кроме уже приводимых в юридической литературе аргументов, тезис о том, что имущественные права не являются объектом гражданских правоотношений¹. С этим выводом автора согласиться нельзя. Действительно, самая распространенная точка зрения в юридической литературе как общетеоретического, так и гражданско-правового характера связана с рассмотрением прав и обязанностей в качестве содержания соответствующего правоотношения.

Список использованных литератур:

1. См.: Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.
2. См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

С.297; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С.59-60.

3. См.: Гражданское право. Часть I. Учебник / Под ред. Ю.К.Толстого, А.П.Сергеева. С. 121; Гражданское право. Часть первая: Учебник / Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. С. 100; Комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации. Части первой / Отв. ред. О.Н.Садиков. С.95; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т.Е.Абова, А.Ю.Кабалкин, В.П.Мозолин. С.118.

4. Советское гражданское право. Часть 1 / Отв. редактор профессор В.А.Рясенцев. М., 1960. С.254.

5. См.: Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л., 1998. С.164-167.

6. Гражданское право. Учебник. Часть III / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М., 1998. С.492-493.